

Реквием по абсконам: порочные последствия крайнего использования принципа предосторожности

Philippe Baumard

▶ **To cite this version:**

Philippe Baumard. Реквием по абсконам: порочные последствия крайнего использования принципа предосторожности. Security and ICT Environnent and International Law, Namib, pp. 35-42, 2020. ⟨hal-03227703⟩

HAL Id: hal-03227703

https://cnam.hal.science/hal-03227703

Submitted on 17 May 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

***Филипп Бомард**, профессор университета, директор лаборатории SDR3C (безопасность, оборона, разведка, криминология, киберугрозы, кризисы). Национальная консерватория искусств и ремесел, Париж.*

РЕКВИЕМ ПО АБСКОНАМ: ПОРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КРАЙНЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИНЦИПА ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ

С октября 2019 г. человечество столкнулось с крупнейшим пандемическим событием в своей новейшей истории. Проявило ли человечество мудрую предусмотрительность и надлежащую стратегию? Должно ли оно праздновать свою победу над пандемией Sars2-CoV-2, действительно ли оно извлекло уроки из своих прошлых неудач?

"Принцип предосторожности" гласит, что "при отсутствии определенности, с учетом современных научно-технических знаний, принятие эффективных и соразмерных мер по предотвращению риска серьезного и необратимого ущерба окружающей среде при экономически приемлемых затратах не должно задерживаться" (статья 200-1).

Речь идет о законодательном механизме, призванном обеспечить разумный баланс – то, что англосаксы назвали бы справедливым *компромиссом* – между нынешним и будущими поколениями; придать статус закона; свести воедино принцип сдержанности (предосторожности), принцип превентивных действий, принцип участия (транспарентности граждан) и принцип, который в тексте самого закона странным образом называется "загрязнитель платит".

Применительно к химии, промышленности, телекоммуникациям и транспорту принцип предосторожности очень похож на корректирующую меру, направленную на то, чтобы избежать ошибок прошлого. Применительно к здравоохранению этот принцип был подвергнут жестокому воздействию во время пандемии атипичной пневмонии VOC 2 из-за COVID-19.

Мы рассмотрим, как мы не смогли стратегически справиться с пандемией Sars2-CoV-2; потенциальные причины этой неудачи; стратегическую слепоту эпидемиологических моделей; коллективную истерию предпечатной подготовки, кратчайший путь к карьере и публикации, практикуемый в настоящее время *JAMA, Nature, Science, Cell,* а также в малоизвестных китайских публикациях.

Это история одной из величайших современных неудач в истории человечества; истории мирового кризиса, который не был преодолен; история управляемого с такой некомпетентностью, что уже нельзя говорить о неудаче, а можно говорить о заумном *реквиеме,* где поют смерть того, чего

никогда не было, чтобы избежать конца, который не наступит; заменив его самым могущественным, самым слепым и самым смертоносным из стратегических пустот.

Когда разум поглощается моделями, задуманными как религия, политическое принятие решений берет на себя наряд культа. И суеверное обучение изобилует. Реальность такова, что не существует единой модели, которая могла бы описать, понять, объяснить и предсказать пандемическую ситуацию. Когда обучение или логическое рассуждение убедительно, но не соответствует какой-либо осязаемой или доказуемой реальности, мы говорим о "суеверном обучении", или как писали Левитт и Март (1988): "Суеверное обучение происходит тогда, когда субъективный опыт обучения убедителен, но связь между действиями и результатами плохо прописана".

В случае с COVID-19 первые сообщения, которым удалось избежать бдительности китайского контроля, указывают на очень высокий уровень смертности: почти 10% в бассейне Ухань и почти 3,5% во всех других китайских регионах. Всемирная организация здравоохранения объявила о 3,4%. В статье, опубликованной в феврале 2020 г. в *журнале Американской медицинской ассоциации*, указано 2,2%.

Это ужасные цифры. Это те числа, которые заставят вас мгновенно запереть всю планету… Если бы эти цифры были верны, мы находились бы в ситуации, очень похожей на ситуацию H1N1 (*так называемый свиной грипп*), которая привела к тому, что большинство европейских правительств сильно переоценили эпидемию; применили принцип предосторожности; и создали чрезмерно большие стратегические резервы.

Главной причиной глобального снижения смертности от инфекций является успех первоначальной стратегии в период с марта по май 2020 г. Все без исключения политики слишком остро реагировали, потому что были зажаты своими мнениями (Россия, Китай, Ливан, Венгрия и т.д.), приближались к национальным выборам (США) или сталкивались с протестными движениями (Франция, Россия, Германия, Италия, Гонконг и т.д.).

Затем обнаружилось, что Sars2-CoV-2 находился в обращении не менее трех месяцев до его открытия в январе 2020 г.; что это увеличивало начальное заражение еще больше и можно предполагать, что некоторые районы мира, находящиеся в частых экономических контактах с материковым Китаем и бассейном Ухань, могли "извлечь выгоду" из раннего заражения.

Управление кризисом пандемии Sars2-CoV-2 является безпрецедентным провалом в истории человеческих организаций; провалом суждения, провалом оценки и, безусловно, провалом принципа предосторожности. Несомненно, для первого эпизода пандемии Sars2-CoV-2 "*Нам повезло*".

В 2005 году мы опубликовали вместе с У.Х.Старбаком в издании *"Long Range Planning"* статью под названием: "*Учиться на неудачах? Почему этого может не случиться*" (Baumard and Starbuck, 2005). Цель состояла в том, чтобы дать ответ на исследование коллеги и друга Сима Ситкина (1992), который установил очень элегантную и рациональную теорию, предполагающую, что принятие и осознание небольших потерь позволяет предвидеть и справляться с большими неудачами.

Наш крестовый поход против суеверной теории привел к довольно мрачному открытию: организации и их лидеры не учатся ни на больших неудачах, ни на маленьких. Мы используем ту же "основу", что и наш обзор 2005 года в этой статье, чтобы попытаться понять и объяснить, как принцип предосторожности привел к провалу большинства обществ в 2020 году; были ли извлечены уроки из предыдущих неудач в борьбе с пандемией? Почему в конкретном случае пандемического феномена так трудно извлечь уроки из наших неудач? Каковы основные препятствия для стратегического обучения, адаптированного к пандемическим явлениям?

Идея о том, что отдельные организации учатся, родилась вместе с Сайертом и Мартом (1963). Согласно им, организационное обучение включает в себя изменение целей и прогнозов для отражения текущего опыта и восприятия, адаптацию правил принятия решений к обстоятельствам, изменение целей для того, чтобы сделать их реалистичными, и рассмотрение того, где предыдущие исследования увенчались успехом. Их утверждение о том, что организации учатся в первую очередь, сталкиваясь с проблемами, а не с успехами, особенно актуально (Cyert and March, 1963).

В случае пандемии COVID-19 сразу же возникло очень удивительное явление: прямой диалог между ВОЗ и Председателем КНР о соответствующем стратегическом обучении для управления глобальной пандемией; и это, ровно через 15 дней после официального объявления об "обнаружении" этой болезни в Ухане.

"КПК ограничил 57 миллионов жителей Хубэя в своих домах". В то время наблюдатели в области прав человека выражали свою озабоченность. Как сказал один эксперт газете *"Нью-Йорк Таймс"*, "это закрытие почти наверняка приведет к нарушениям прав человека и будет явно

неконституционным в Соединенных Штатах Америки". Тем не менее, 29 января Генеральный директор ВОЗ Тедрос Адханом заявил, что он "очень впечатлен и воодушевлен подробными знаниями Президента [Си Цзиньпина] об эпидемии", а на следующий день он поблагодарил Китай за то, что тот "установил новый стандарт в ответ на эпидемию". Тем не менее, всего через шесть дней тупиковая ситуация – "беспрецедентная в истории здравоохранения" – не дала никаких результатов" (Senger, 2020).

Однако международная истерия COVID-19 началась примерно 23 января, когда "просочившиеся" видео в Ухане начали наводнять международные социальные сети, включая Facebook, Twitter и YouTube – все, по-видимому, заблокированные в Китае, показывая ужасы Уханьской вспышки и серьезность ее блокировки. Вирусные видеоролики утверждали, что жители стихийно рушатся на улицах в сценах, похожих на те, что в фильме *"Зомбиленд"* и сериале *"Ходячие мертвецы"*. На одном видео показано, как спецназ поймал человека с сеткой для бабочек за то, что тот снял маску[1]. Но в ретроспективе это кризисное кино несколько комично; в печально известном видео человек "самопроизвольно рушится", протягивает руки, чтобы наверстать упущенное (Senger, 2020).

"В вирусном твиттере 25 января эпидемиолог с небольшим опытом в области инфекционных болезней написал: "Слава Богу, новый коронавирус – это 3,8! Каково значение R0 для воспроизводства? Это плохо для термоядерной пандемии". Это был первый из серии сомнительных твитов, широко разрекламированных до сих пор неизвестным Эриком Файгл-Дингом, что побудило одного из видных коллег по Гарварду осудить его как "шарлатана" (Senger, 2020).

Одним из способов замедлить процесс обучения противника является, как показывают исследования, повышение "жесткости угрозы" (Staw, Sandelands and Sutton, 1981). Жесткость реагирования на угрозу может быть повышена за счет использования различных рычагов. Чем больше воспринимается угроза, приводящая к непримиримым потерям, тем более разрозненной и неполной является информация об угрозе, тем больше она усиливает стресс и тревогу; и тем более "жесткой" будет реакция, основанная на хорошо усвоенных ответных репертуарах или на первом доступном доминирующем ответе (Staw *et al., op. cit.,* pp. 502-503).

Несмотря на отсутствие эпидемиологических данных, многочисленные организованные утечки данных из материкового Китая сообщают о

[1] https://twitter.com/1nfodaily/status/1232719653983617026.

показателях размножения в диапазоне от 3,3 до 3,7; однако именно через Национальный исследовательский центр Лос-Аламоса и три его наиболее авторитетных отдела (*Центр нелинейных исследований CNLS; Информационная научная группа CCS3 и Теоретическая биология биофизики T-6*) 11 февраля 2020 г. в Соединенных Штатах распространяется самая страшная угроза.

Исследование Национального центра Лос-Аламоса основано на мета-анализе, то есть делает выводы на основе перекрестных ссылочных исследований, уже опубликованных в период с 23 января 2020 г. по 20 февраля 2020 г.; в основном из китайских источников в Ухане.

Это *предварительная печать*: исследовательский документ, принятый "в предварительной печати", в ожидании подтверждения его авторами научной достоверности; иными словами, носитель, надежность и подлинность которого не имеет себе равных ни в одном таблоиде, под видом научного издания, и на котором громко и ясно висит флаг Лос-Аламоса.

Исследования в области стратегического обучения безжалостны в отношении роли, которую играет человеческое познание в его успехе. Его практически не существует. Люди не только делают *ошибочные* выводы из разрозненных данных; точность или достоверность исходных данных плохо коррелирует, если вообще коррелирует, в формулировке обучения (Starbuck and Hedberg, 2001; Mezias and Starbuck, 2003). Другими словами, люди всегда будут стремиться укрепить поведение, которое делает их успешными, отбросив в сторону поведение, которое, по их мнению, может сделать их неудачниками, не придавая никакого значения достоверности исходных данных (Starbuck and Hedberg, 2001).

Никто не ставил под сомнение строительство "за одну неделю", о котором объявила китайская пропаганда, совершенно новой больницы в Ухане, которая на самом деле представляла собой видеосюжет о строительстве квартир более чем в 900 километрах от города Ухань.

А потом – успех! Начиная с февраля, КПК сообщал об экспоненциальном снижении числа случаев коронавируса вплоть до 19 марта, когда он объявил, что его блокировка полностью ликвидировала внутренние случаи. В своем докладе от 24 февраля ВОЗ рапсодировала триумф Китая. "Строгое и бескомпромиссное применение Китаем нефармацевтических мер по сдерживанию передачи вируса COVID-19 в различных условиях дает жизненно важные уроки для глобального реагирования" (Senger, 2020).

Сообщение результатов оказывает парадоксальное воздействие на стратегическое обучение. В то время как в управленческой литературе проповедуется 360-градусное отчуждение, микроменеджмент и ключевые показатели эффективности, Клугер и ДеНиси (1996), напротив, показали, что такая обратная связь снижает эффективность реагирования в трети случаев.

Внезапно все официальные китайские сообщения фокусируются на понятии скорости репликации, с чрезвычайной готовностью – для Китая, который не привык делиться с внешним миром данными в области здравоохранения, – поделиться высокоточными эпидемиологическими данными. Еще до того, как мировое научное сообщество смогло провести серьезные исследования с реальными испытуемыми группами населения, ожидание результатов "в диапазоне от 3,5 до 6" для коэффициента репликации и "в диапазоне от 3,4 до 10%" для коэффициента смертности было определено в качестве критерия кризисного чтения, а авторитарная модель сдерживания пропагандировалась в качестве архетипичного и действенного ответа на эту глобальную пандемию.

"26 февраля канадец Брюс Эйлвард из ВОЗ, который затем прервал интервью в прямом эфире[2], когда его попросили признать Тайвань, прямо сказал: "Скопируйте ответ Китая на COVID-19". В апреле канадский парламент вызвал Эйлварда на слушания, но ВОЗ запретила ему давать показания" (Senger, 2020).

Случай стратегического ответа Запада на Sars2-CoV-2 и глобальную пандемию COVID-19 интересен по нескольким причинам. Это, прежде всего, "проклятие победителя". Проклятие победителя – это тенденция к тому, что выигравшая заявка на аукционе намного превышает внутреннюю стоимость лота. Конечно, его вредоносный противник должен перебить ставку соперника, чтобы его обязательство стало дорогостоящим и уменьшило его конкурентоспособность. Разрыв между реальной и внутренней ценностью может быть обусловлен неполной информацией о хорошем (здесь реальная ситуация с пандемией), об эмоциях (здесь страх перед болезнью, более опасной и заразной, чем лихорадка Эбола, по крайней мере, как было объявлено в феврале 2020 г.).

Эта странная стратегия как раз и является выводом статьи Талера (1988), впервые определяющей это "проклятие победителя". Он пишет: "Возможность неоптимального поведения других участников аукциона

[2] Интервью, прерванное экспертом ВОЗ при упоминании Тайваня, доступно по адресу: https://twitter.com/DailyCaller/status/1250198856735875072.

ставит вопрос, редко затрагиваемый в экономической теории, а именно: что делать, когда понимаешь, что твои конкуренты совершают ошибки" (Thaler, 1988, p. 200).

Лучшим решением, продолжает Талер, является обмен информацией с конкурентами в кратчайшие сроки, чтобы они, в свою очередь, сократили свои позиции. "Если они поверят вашему анализу, игра может быть выгодной для участников торгов" (Thaler, *там же*). Вывод: "Исследование оптимальной стратегии для игр, в которых противники не вполне рациональны, заслуживает большего внимания со стороны экономистов" (Thaler, *там же*). В пандемическом кризисе COVID-19 все глобальные игроки, за исключением Китая, перевесили предвзятые эпидемиологические данные, все они были загнаны в неудержимый механизм жесткого реагирования на угрозу терроризированного населения, разрушенной экономики и "проклятия победителя".

Когда Госдепартамент предоставил выборку из 250 000 аккаунтов, которые, как считается, причастны к дезинформации о коронавирусе, "Твиттер" отказался принимать меры. Эта деятельность затрагивает страны, которые практически не имеют права голоса в управлении социальными сетями; недавнее исследование показало, что тысячи неоригинальных аккаунтов продолжают способствовать дружбе между сербами и китайцами после того, как "Твиттер" удалил тысячи других аккаунтов. Бывший сотрудник Facebook написал: "У меня на руках кровь", потому что компания систематически исключала злонамеренную политическую деятельность, несмотря на ее непропорциональное влияние" (Senger, 2020).

В целом, исследования, посвященные урокам, извлеченным из успеха, показывают, что многие организации улучшают свою работу, но организации могут переучитывать поведение, которое, по их мнению, способствует успеху, и становиться нереалистичными в отношении того успеха, который последует за ними. В результате уроки успеха постепенно превращаются в смирительные рубашки, которые мешают организациям адаптироваться к социальным и технологическим изменениям. Успех пандемического антикризисного управления в Китае в точности соответствует этой логике.

9 марта Италия, первая крупная европейская страна последовавшая рекомендациям ВОЗ и ставшая первой за пределами Китая закрывшейся страной. Премьер-министр Италии Джузеппе Конте давно выступает за более тесные связи с Китаем. Китайские эксперты прибыли в Италию 12 марта и через два дня посоветовали ужесточить закрытие: "На улицах все еще слишком много людей и деятельности, чтобы улучшать". 19 марта они

повторили, что Италия не была "достаточно строгой" в своей политике закрытия: "Нам нужно, чтобы каждый гражданин был вовлечен в процесс COVID-19 и следовал этой политике" (Senger, 2020).

Сайерт и Март (1963 год) подчеркнули центральную роль правил принятия решений в создании рутинных рамок в организациях. Рутина – это краеугольный камень институциональной теории. Гораздо более мощного контроля можно добиться с помощью простых поведенческих процедур, чем с помощью стратегического сдерживания. Восприятие неудачи побуждает организации брать на вооружение новые методы работы. Северная Италия с помощью китайской пропаганды становится архетипом этого провала.

С самого начала пандемии именно в Италии научные мнения повышали тон, указывая на необходимость учитывать, что вирусное явление – это аэрозоль, и что лучшей стратегией было бы усиление иммунной защиты indi vidual, проветривание и вентиляция, поддержание динамического социального дистанцирования, но избегание массивного заключения, которое, помимо экономического разрушения, ослабляет иммунитет, истощает психологию, снижает иммунитет и создает вспышки.

"Италия была одновременно обстреляна китайской дезинформацией". С 11 по 23 марта около 46% твитов с хэштегом #forzaCinaeItalia (Go China, Go Italy) и 37% с хэштегом #grazieCina (Спасибо Китаю) пришли от роботов (Senger, 2020). Это было сделано без учета усиления повествования об успехе; успех, согласие которого получено для "аудитории-призрака" (Lippmann 1922, 1925), чье выражение сводится к инвазивности в социальных сетях. Любой научный разговор о реальной природе Sars2-CoV-2, смертности от инфекции, об аэрозольной или проекционной диффузии был потушен.

ВОЗ полностью построена на едином повествовании об успехе ограничений.

Длительные периоды непрерывного успеха способствуют структурной и стратегической инерции, экстремальной ориентации процесса, невнимательности и замкнутости (Baumard and Starbuck, 2005). Обучение устраняет виды деятельности, которые кажутся иностранными, в результате чего организации становятся более простыми, менее осведомленными о событиях, происходящих вне их непосредственной сферы деятельности, и менее способными к разнообразным действиям. Например, сосредоточение внимания на навыках, необходимых для поддержания конкурентного преимущества, изначально способствует успеху, но затем имеет тенденцию делать организацию более специализированной и жесткой (Miller, 1993 and 1994). Специализация дискурса, процедур и рутины нормализует поведение;

устанавливает стандарты поведения; создает нормы восприятия; позволяет обвинять и указывать пальцем на инакомыслие, которое осмеливается бросить вызов общей норме.

В конце мая 2020 г. Китай начал новую глобальную коммуникационную кампанию, призывающую людей носить маску как символ уважения; повествование, которое принимают все западные СМИ, включая доктора Энтони Фаучи, использующего его дословно[3]. Отныне неношение маски связано с отсутствием гражданской позиции, недостатком человечности, а роботы пропаганды распространяли сфабрикованные свидетельства людей, которые "убивали" своих соседей или бабушек и дедушек, отказывающихся носить маску. Механизмы усиливающей ловушки существуют: постепенная потеря свободы выбора, неопределенность процесса, повторяющийся характер решения, вынужденные инвестиции в публичное пространство (Brockner and Rubin, 1985).

Те же самые процессы, которые организации используют для извлечения уроков из своих успехов, ставят под угрозу их долгосрочную устойчивость. Чтобы повторить свои успехи, организации создают поведенческие программы и буферы, а также сосредоточивают свои усилия на сборе информации и коммуникации, чтобы сделать их эффективными. Поскольку они опасаются, что их успехи не будут продолжаться в изменившихся условиях, организации пытаются заблокировать изменения (Baumard and Starbuck, 2005).

"В марте государственные СМИ Китая начали описывать стратегию "иммунитета стада" – позволяющую распространять коронавирус среди молодых и здоровых – как нарушение "прав человека"... В январе Пекин пригрозил разорвать все коммерческие связи со Швецией, чтобы наказать шведского издателя Гуй Конъю, который с тех пор находится в Китае, за присуждение ему литературной премии. Швеция не отступила и отказалась следовать китайской модели локаута, выбрав стратегию иммунитета стада. В результате Швеция стала главной мишенью китайского лагеря, представляя его как слабую перед лицом угрозы COVID" (Senger, 2020).

Организационная среда создает жесткость, требуя от организаций рационализации, прогнозирования и надежности. Однако организации имеют ограниченные возможности для блокирования экологических изменений, и сбор информации, который, по их мнению, является эффективным, может

---

[3] Пример развития этого повествования в основных средствах массовой информации см. Хиллари Люн (Гонконг), "Почему в Азии поощряется ношение маски для лица, а в США - нет", *журнал "Тайм",* 12 марта 2020 г. https://time.com/5799964/coronavirus-face-mask-asia-us/.

помешать им воспринимать критические изменения. Когда они воспринимают критические изменения, обязательства по существующим программам и выполнение их прогнозов могут помешать им быстро и эффективно реагировать (Starbuck, Greve and Hedberg, 1978).

Однако приверженность суеверному обучению затруднена, особенно в сочетании с простыми прямыми наблюдениями, которые могут быть сделаны с помощью умеренного опыта. Именно здесь стратегии "отчуждения" вступают в игру с самого начала пандемии, "растущий страх, подпитываемый драматическими прогнозами инфекции и смерти, мотивирующими неотложные действия и, следовательно, растворяющими подходами" (Rowe *et al.* 2020, p. 13). Идет ли речь о нормативном давлении, геолокализации, наказании в уголовном порядке или в СМИ, стыде нецивилизованного жеста, доносе соседей: механизмы усиления вездесущие, чтобы ни один актор не отступил от доминирующей логики.

Сайерт и Март (1963 год) утверждали, что организации с гораздо большей вероятностью изменят свое поведение в ответ на неудачи, чем на успехи. Фактические или ожидаемые сбои, говорят они, могут привести к тому, что организация изменит свои цели или ожидания результатов. Критерий успеха должен быть достижим; напротив, это может подтолкнуть участников к эскалации приверженности, т.е. слепой приверженности недостижимой цели (Staw and Ross, 1978).

Проблема первоначальной китайской коммуникации в том, что она была слишком карикатурной. Официальное число смертей, объявленное КПК в ознаменование победы над пандемией, составило 2 535 смертей в городе Ухань (8,9 млн. жителей); или 28,48 смертей на 100 000 жителей, что соответствует смертности в Южной Африке или Аргентине, но намного ниже, чем во Франции (46,79 на 100 000 жителей), Соединенных Штатах (61,09), Бразилии (65,53) или Испании (65,63)[4]. В эпицентре пандемии, с трехмесячной задержкой вмешательства из-за местной цензуры, такое представление математически невозможно; то, что проницательные наблюдатели вскоре заметили, когда обнаружили бесконечные очереди перед городскими моргами, которые трудно скрыть[5]. Только в один из этих моргов было доставлено 5000 урн для похорон; все это, конечно же, было

[4] Данные Джона Хопкинса от 23 сентября 2020 года: https://coronavirus.jhu.edu/data/mortality.

[5] Алекс Линдер, "Урны в Ухане намного превышают число погибших, что вызывает больше вопросов о подсчетах в Китае. За последние два дня в один морг было доставлено 5000 урн, что вдвое превышает зарегистрированное число погибших от коронавируса в городе", *Шанхайст*, 27 марта 2020 г. http://shanghaiist.com/2020/03/27/urns-in-wuhan-far-exceed-death-toll-raising-more-questions-about-chinas-tally/.

восхитительно задокументировано, с фотографией приема урн, сделанной в морге[6]. Китайская Народная Республика, находящаяся под эмбарго и заключенная в тюрьму, – это не совсем то место, где кто-либо может обратиться в морг, не будучи допрошен полицией.

Китай должен был потерпеть неудачу, но не смог в умеренной степени создать то, что Ситкин (1992) называет более сильной приверженностью повествованию о преодолении неудачи. Как заметили Хьюст и Михайлова (2002, p. 587), "люди не могут свободно и открыто делиться своими знаниями об ошибках, которые они совершили"; и чем скорее неудача будет свободно обсуждаться как неудавшийся "эксперимент", тем скорее основные убеждения организации укрепятся (Baumard and Starbuck, 2005). Это механизм самопроизвольного раскаяния загрязнителя; но это также и средство захвата политического определения успеха (Anheier, 1999). К концу марта 2020 г. Китай навязал миру три ключевых понятия: уровень воспроизводства, уровень смертности от инфекций и критерий успеха, навязанный всем остальным странам: менее 5000 смертей для города с населением менее 10 миллионов человек.

В планах нерешенных сражений девятая из 36 лунок называется "Наблюдение за огнем с другой стороны". Когда исход битвы скомпрометирован или не решен, эта китайская военная уловка рекомендует подождать или вызвать максимальный переворот в лагере противника, чтобы дождаться нужного момента, или создать поражение собственной рукой.

Глобальное управление этим пандемическим кризисом, несомненно, является неудачей, особенно для Запада. Она начинается с небольшого провала, местного случая цензуры со стороны Уханьского политического бюро, которое отчаянно пытается скрыть местную эпидемию, которая может дорого стоить главам его муниципалитетов. Но, как мы показали в 2005 году, небольшие неудачи, как правило, укрепляют фундаментальные убеждения, и фундаментальные убеждения используют эти небольшие неудачи в качестве повествовательных историй, которые укрепляют основополагающее убеждение (Baumard and Starbuck, 2005).

Организационное обучение, которое казалось настолько доброкачественным и желательным, когда Сайерт и Март впервые указали на него, может быть опасным или неэффективным (Baumard and Starbuck, 2005). Обучение, которое следует за первоначальным успехом, может быть

[6] Источник: Кайсин, 27 марта 2020 года. Мы рекомендуем использовать VPN, прежде чем обращаться к этому источнику: http://photos.caixin.com/2020-03-26/101534542.html.

ядовитым для других организаций, которые на основе неопределенных или фальсифицированных успехов определяют ложные правила и критерии успеха. Обучение, которое должно было последовать за первоначальным провалом, никогда не произойдет, или когда оно произойдет, как это произошло в Европе, Австралии или Новой Зеландии, были извлечены неправильные уроки.

В этот кризисный период мы сталкиваемся с пустым стратегическим регистром. По принципу предосторожности все западные и большинство восточных стран бросились в стратегическую слепоту, продолжая изгибать воображаемые кривые; в то время как Sars2-CoV-2, очень реальный, более генетически сложный, чем предыдущие коронавирусы, но также, во многом, менее страшный, распространился по всему миру. Архетипичная замороженная реакция, распространенная Китаем одновременно с открытием пандемии, привела к экономическому разрушению свободного мира и оказалась неадекватной стратегией реагирования на пандемический кризис COVID-19.

Принцип предосторожности, родившийся в 1995 году, который вошел в популярную культуру и сразу же покинул ее, только что продемонстрировал пандемию Sars2-CoV-2, что она порождает явления жесткости к угрозе (Staw, 1981); толкает акторов в регистры прошлого, не пригодные к новым ситуациям (Starbuck, 1983); и делает лиц, принимающих решения, восприимчивыми к тому, чтобы стать объектом кампаний влияния или дезинформации.

Отсутствие стратегического обучения во время пандемии Sars2-CoV-2 иллюстрирует такой стратегический вакуумный механизм; он воспринимается не как возможность выздоровления или стратегического обращения вспять, а как пострадавший, парализующий и ослепляющий вакуум. Способы управления стали заменителями стратегического мышления. А сама стратегия превратилась в самонаводящуюся тактическую реакцию. Можно подумать, что нам не хватает стратегов, но на самом деле именно сами стратеги создали ситуацию.

Мы не были свидетелями выражения мира предосторожности, заботящегося о будущих поколениях, как Мишель Барнье намеревался в своем "принципе предосторожности" в 1995 году… Мы создали мир постоянного удивления, постоянного разъединения между постоянным стратегическим вакуумом и прирученной тактической ерундой.

Идеологии развиваются и процветают в таком мире. Тактические возвраты приносят плоды. Глобальные дезинформационные кампании

вступают в силу немедленно. Страх распространяется как неконтролируемые лесные пожары. Все должно стать тем, что Клаузевиц уже представлял себе как "нерегулярную войну в глобальном масштабе". Развитие глобальной информационной инфраструктуры обеспечивает эластичность между этими тремя в остальном несовместимыми областями. Когда тактика спотыкается – потому что спотыкается – мгновенные "когнитивные корректировки", которые некоторые назвали бы информационной войной и другими измышлениями согласия, немедленно заполняют пустоту. Когда глобальные идеологии терпят неудачу, есть тактика, чтобы заверить всех в том, что мир без цели работает.

"Психология стаи" спонтанных восстаний может быть как поглощена, так и искусственно сгенерирована. Стратегии дестабилизации и психологические операции, сопровождавшие эпизод пандемии Sars2-CoV-2, демонстрируют, как этот оскорбительный вакуум, эта системная стратегия депортации создала благодатную почву для глобальной "нерегулярной войны", как предвидел Клаузевиц, с той разницей, что эти войны сегодня столь же когнитивны, сколь и физически репрессивны.

Для того чтобы выйти на новый путь, нам необходимо бороться с этими тремя механизмами одновременно. Для того чтобы положить конец тактике, мы должны энергично воссоздать преобразующую ценность человеческой деятельности в науке, образовании, экономике, финансах и, в конечном счете, в обществе в целом.

Этот абсолютный кризис COVID-19 покажет, чего стоит обществу и цивилизации потерять стратегическое обучение. Уступая предварительным условиям, утрачивая фундаментальное стремление к свободе, которая определяет как республики, так и демократии, современный мир вступил в дурацкую игру, в которой он поставил свою свободную волю, свою изобретательность и свою надежду против обещания лучших эпидемиологических кривых, страха в своем желудке.